

ЗМЕЕВКА

МЁРТВЫЙ ГОЛОС ВОДЫ

18+

АНАСТАСИЯ САМОФЕЕВА

Анастасия Самофеева

Змеевка. Мёртвый голос воды

«Автор»

2026

Самофеева А.

Змеевка. Мёртвый голос воды / А. Самофеева — «Автор», 2026

Студент-медик Тимофей приезжает на летнюю практику в глухую деревню Змеевку и почти сразу понимает: здесь что-то не так. В деревне слишком тихо, местные говорят осторожно, дороги будто меняются сами собой, а старый пруд за домом словно знает о нём больше, чем должен. Сначала Тимофей пытается объяснить происходящее усталостью, деревенскими суевериями и собственным страхом. Но чем дольше он остаётся в Змеевке, тем явственнее чувствует: это место умеет находить в человеке самое больное — вину, стыд, тоску по тем, кого уже нельзя вернуть, — и говорить с ним чужими голосами. Одни здесь шепчут, что вода врёт. Другие сторонятся леса, будто в его тишине скрывается ложь пострашнее. Но если Тимофей хочет выбраться, ему придётся понять, чему можно верить, когда знакомый голос раздаётся из темноты. Ведь иногда самый страшный голос звучит не снаружи. Он поднимается изнутри.

© Самофеева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анастасия Самофеева

Змеевка. Мёртвый голос воды

Глава 1

Начало июня выдалось жарким. Змеевка утопала в зелени — трава только поднялась, листья на берёзах были ещё светлые, молодые. Воздух стоял густой, тёплый, пах свежей землёй и дымом. После города деревня казалась непривычной, в ней что-то было не так.

Я только вышел из автобуса и сразу это почувствовал. В начале лета деревня должна быть наполнена звуками: щебетанием птиц, голосами, хлопающими калитками. Но здесь не было ничего: ни лая, ни кудахтанья, ни детского смеха. Даже ветер будто обходил это место стороной. Тишина не просто стояла, она давила. Била по ушам. Заставляла слышать собственное дыхание.

Я невольно провёл ладонью по коротко стриженным рыжим волосам. Когда нервничаю, то всегда так делаю. Солнце слепило, и я щурился, чувствуя, как веснушки на лице будто нагреваются сильнее обычного. В отражении тёмного стекла автобуса мелькнули мои собственные голубые глаза, слишком светлые для этой неподвижной, притихшей деревни. Я был выше большинства знакомых, и сейчас это ощущалось особенно, будто я слишком заметный, совсем чужой.

Дрожь пробежала по спине. Вот это меня занесло. Надо было всё-таки договориться с деканатом. Упросить, настоять, убедить. Пусть бы отправили в городскую больницу, хоть в самую захудалую, но нет. Практика в Змеевке. Целый месяц. Ладно. Закончу третий курс и на четвёртом выйду себе нормальное место.

Я достал телефон. Связи не было. Попробовал отправить сообщение Веронике. Потом позвонить маме. Телефон упрямо показывал пустые полоски. Просто отлично.

С остановки деревню было видно хорошо. Дома стояли неровными рядами, между ними огороды, вдали колодец. Всё это окружал лес, плотный, тёмный, слишком близкий. Он словно подступал к самым окнам.

Чуть поодаль блеснула вода. Пруд. Стоило перевести на него взгляд, как по коже пробежали мурашки. Неприятный озноб коротко встряхнул тело, будто кто-то провёл холодной ладонью по позвоночнику.

Я отвёл глаза.

— Эй, парень, ты чьих будешь? — прохрипел голос.

На завалинке сидел мужик с соломинкой во рту. Он смерил меня любопытным взглядом.

— Рыжий... Не местный.

— Тимофей. Можно Тим. Приехал на практику. — Я протянул руку. — Подскажите, где старосту найти?

Мужчина сжал ладонь неожиданно крепко. И смотрел чуть дольше, чем нужно.

— В третьем доме живёт, там у колодца. Митрыч звать.

Я быстро нашёл дом старосты и его самого. Митрыч оказался коренастым, крепким, на вид хмурым и строгим. Руки были в мозолях, густые брови, острый взгляд, будто привык замечать лишнее. Но улыбка у него была неожиданно добродушной, почти тёплой, и это делало его суровость менее пугающей.

Староста сразу повёл меня вглубь Змеевки, не оглядываясь, чтобы проверить, иду ли я за ним.

Мы остановились возле старенького, но крепкого домика.

— Проходи, — сказал он. — Жить будешь на окраине.

Из окна моего временного дома был виден пруд.

Также Митрыч показал, где я буду работать. Местная «больница» оказалась бывшим домом знахарки. Та давно умерла, но людям без врача нельзя, вот и отправили запрос в город. Прислали меня.

— Связи тут нет, — сказал Митрыч, вручая керосиновую лампу и фонарь. — Но почта ходит несколько раз в неделю. Письма в район возят, обратно привозят вместе с продуктами для лавки.

Я кивнул.

— Ночью на улицу не шастай и к воде не ходи. А в лес не суйся никогда, ни днём, ни ночью.

— Клещи? — попытался я пошутить и улыбнуться.

Он посмотрел внимательно.

— Клещи. И отвёл взгляд.

Первый день ушёл на то, чтобы разложить вещи, освоиться, осмотреть «больницу» и понять, что из инструментов у меня вообще есть. Пациентов не было — Митрыч сказал, что дадут мне день «обвыкнуться», да и срочных, тяжёлых тут всё равно не держат: таких сразу в город.

К вечеру всё изменилось. Днём стояла мёртвая тишина. А с наступлением сумерек она словно треснула. Сначала появился шорох в траве. Потом скрип, будто где-то медленно качнулась старая доска. Из леса донёсся глухой треск ветки. Звуки возвращались. Но они были неживыми.

Где-то за домами будто кто-то осторожно двигался между заборами. И на мгновение мне показалось, что в этом движении есть ритм. Угадывались шаги. А потом был шёпот. Слов разобрать было нельзя, но звук был. И он не принадлежал ветру.

Я вспомнил слова Митрыча и решил никуда не выходить сегодня. Ни к пруду, ни даже во двор. Я поднял голову. В окне отражалась комната: стол, лампа, моя фигура и пруд. На поверхности воды медленно разошёлся круг. Потом второй. Хотя ветра не было.

Я задёрнул штору. Почти сразу раздался тихий всплеск. Будто кто-то осторожно провёл рукой по воде. Я замер.

Когда я лёг спать, то сон пришёл не сразу. А когда начал проваливаться в дремоту, мне показалось, что со стороны пруда кто-то негромко произнёс: — Тим

Я резко сел. Дом был тёмным. Пустым. Никто больше ничего не шептал.

После такого — с трудом, но всё-таки уснул.

На второй день решил пройти по деревне. Люди работали в огородах: копали, пололи, носили воду. Но делали это практически молча, без обычного деревенского гомона.

— Потом поговорим, доктор, — сказала женщина, не поднимая головы.

— Дел полно, — бросил мужчина.

Я спросил про пруд. Старик у забора медленно выпрямился.

— Не ходи туда.

— Почему?

— Нечего там делать. И всё.

Я снова посмотрел в сторону воды. С отцом мы часто ездили на рыбалку. Вода, туман, тишина — тогда это было место спокойствия и уединения. Сердце неприятно защемило. Мне было четырнадцать, когда он умер.

Я резко выдохнул и заставил себя вернуться мыслями в настоящее. Подумал о звонках. Если связи нет, то напишу письмо. Сначала Веронике, потом пару строк маме, чтобы не волновалась.

Вернувшись домой, я зажёл керосиновую лампу и начал писать.

Письмо первое (От Тимофея к Веронике)

Ника, здравствуй.

Пишу тебе при свете керосиновой лампы. Электричество здесь появляется по настроению, а связи нет совсем. Но почта ходит несколько раз в неделю, письма увозят в район, а обратно привозят продукты и всё необходимое в лавку. Так что, если СМС не доходят, мои слова всё равно доберутся.

Змеевка встретила меня тишиной, которая сначала давит, а потом будто приучает слушать себя. Прошло всего пару дней, а мне уже кажется, что между «тогда» и «сейчас» пролегло большее расстояние, чем между этой деревней и городом.

Я обещал писать обо всём. И держусь за это обещание, как за нить, ведущую обратно к тебе. Деревня стоит окружённая лесом. Он подступает близко, почти вплотную, и ночью шумит, будто перешёптывается о чём-то своём.

Здесь недалеко от деревни есть пруд. О нём говорят вскользь, будто о человеке, которого лучше не тревожить лишними словами. Вода там тёмная и по утрам над ней поднимается пар.

Местные сказали, что туда не стоит ходить, особенно с ночёвкой. Я, конечно, кивнул, но для себя решил, что обязательно пойду. Хоть и страшно, ведь мерещится тут всякое.

Пойду завтра или послезавтра. Я ещё решаю. Готовлюсь: собираю рюкзак, проверяю фонарь, думаю, что взять с собой, а что оставить здесь. Забавно, как подготовка к маленькому путешествию может занять столько мыслей. Может быть, дело вовсе не в пруде.

Знаешь, чего здесь больше всего не хватает? Твоего умения заполнять паузы. С тобой молчание никогда не было пустым. Я всё время ловлю себя на том, что мысленно рассказываю тебе каждую мелочь: как скрипит крыльцо у дома, где я живу, как пахнет дымом и сырой землёй по утрам, как здесь время идёт медленнее. А потом вспоминаю, что рядом тебя нет. И от этого становится особенно тоскливо.

Есть слова, которые я так и не произнёс тебе вживую. Не потому, что не знал, как сказать, а потому, что всё время казалось, что ещё будет подходящий момент: разговор, прогулка.

Я слушаю. Не по сообщениям и не по звонкам, а по тебе, настоящей, сидящей напротив, перебивающей меня на полуслове.

Если я решусь остаться у пруда на ночь, я напишу тебе об этом в следующем письме. Если нет, то тоже напишу. В любом случае, знай: ты здесь со мной чаще, чем я ожидал. В мыслях. В паузах. В том самом несказанном, которое наконец-то начинает находить слова.

Береги себя, Ника. Я вернусь, и мы обязательно договорим.

Твой Тим.

Глава 2

Пока я сидел за столом и дописывал письмо Нике, а затем короткое письмо маме, снаружи раздался тихий скрип. Я замер. Может, мне показалось?

Снова. Будто ступенька скрипнула под чьим-то весом. Потом услышал лёгкий шорох вдоль стены. Дом был старый. Дерево могло играть от перепадов температуры. Остывать после дневной жары, потрескивать. Но ветра не было.

Днём деревня стояла в мёртвой, давящей тишине. А ночью будто начинала оживать.

Я отложил ручку и усмехнулся, стараясь, чтобы голос звучал бодро:

— Ну всё. Похоже, выспаться я здесь не буду. Отличная будет закалка духа, Тимофей.

Шутка получилась слабой. Скрип повторился. На этот раз ближе. Сердце ударило сильнее.

— Спокойно, — сказал я уже тише. — Новое место. Нервы.

Я встал, вышел на крыльцо и замер.

Лес. Днём он казался просто плотной зелёной стеной. Сейчас же он стоял тёмной массой, неровной, глубокой. Деревья сливались друг с другом, но в их переплетении угадывалась какая-то структура. Как если бы это была не чаща, а огромный организм. Он не шумел, не шелестел, не двигался, но будто жил и смотрел. И звал не голосом, а притяжением.

Мне вдруг захотелось сделать шаг вперёд. Сойти с крыльца и подойти ближе. Узнать, что там, за первой линией стволов. В груди странно откликнулось любопытство. И в ту же секунду по позвоночнику прокатился холод. Лес манил и пугал до дрожи.

Я перевёл взгляд на пруд. Вода лежала чёрной гладью, будто не отражала свет, а впитывала его. Вода казалась глубже, чем днём.

И тогда я увидел движение. Не прямо, краем глаза. Тень. Слишком густая для обычной темноты. Я резко повернул голову. Ничего. Только неподвижные деревья. Только вода. Но ощущение не исчезло. Будто я опоздал на долю секунды.

Я выдохнул. И в этот момент меня словно окликнули. Не голосом, а мыслью.

Тим.

Я медленно повернул голову к пруду. У самой кромки воды стояла фигура. Человеческая и неподвижная. Без лица. Без деталей. Просто силуэт, который был темнее ночи. На короткий миг мне показалось, что он стоит так же, как когда-то стоял отец на берегу реки, когда мы ездили на рыбалку. Спокойно и уверенно. Ждёт. В груди болезненно сжалось. Нет. Это не он.

Фигура едва заметно сместилась. И страх победил. Я рванул в дом и захлопнул дверь.

Попытался задвинуть щеколду, но руки дрожали, железка не попадала в паз.

— Да давай же — прошептал я.

Наконец щеколда встала на место. И в ту же секунду в дверь глухо что-то ударило. Один раз. Пауза. Ещё.

Я сполз по стене и сел прямо на пол. Если я уже в первую ночь начинаю видеть силуэты у воды — что будет дальше?

Я медик и почти закончил третий курс. Рациональный человек. А это всё из-за усталости. Перенапряжение. Новая среда. Я же не ребёнок, который пугается теней.

Месяц. Целый месяц. Я сжал зубы. Я не сломаюсь.

И в этот момент раздался обычный, уверенный стук.

— Доктор! Эй, доктор!

Голос был знакомым.

— Д-да Кто там? — Сева я. Мимо моего дома вчера шёл, помнишь? Я ещё спросил, чих ты будешь.

Я вспомнил. Точно. Когда я только шёл от остановки, первым мне встретился именно он. Его дом стоял в начале деревни.

Я медленно поднялся, осторожно отодвинул щеколду и приоткрыл дверь. Снаружи стоял Сева. Обычный. Живой.

— Чего заперся-то? — нахмурился он. — Я к тебе по делу пришёл.

— По делу?

— Ага. Про приём узнать. Когда работаешь, во сколько. Спина ноет. Да и бабка моя жалуется. Думаем к тебе заглянуть.

Я кивнул, пытаюсь говорить ровно:

— С восьми утра до шести вечера. По очереди, если она будет.

Сева хмыкнул.

— Будет. Народ сначала присмотрится. Он внимательно посмотрел на меня.

— А ты чего побледнел? — с удивлением спросил Сева. — Я к тебе шёл. А ты как меня увидал и дал дёру в дом.

Я смотрел на него, не понимая.

— Я вас не видел.

— Как не видел? — Он прищурился. — Стоишь на крыльце. Голову круть-верть. И как рванёшь. Я подумал, что обидел тебя чем-то.

Я сглотнул.

— Я видел, но не вас.

— А кого?

— Вы, когда шли, возле пруда никого не заметили?

Сева задержал взгляд на моём лице. Секунда. Две.

— Ночью, доктор, — медленно произнёс он, — лучше не приглядываться и не прислушиваться, если кажется, что зовут.

Он сказал это спокойно, почти устало.

— Я никого не видел. Шёл к тебе, про приём спросить.

Он шагнул к выходу, но перед тем как уйти, добавил:

— Если что, к Митрычу обращайся. Он тут многое знает.

Сева ушёл в темноту. Я закрыл дверь. В доме снова стало тихо.

Я подошёл к окну и осторожно приподнял край шторы. У воды никого не было, только чёрная гладь. Я почти убедил себя, что всё показалось. Почти.

Утром меня разбудил солнечный свет. Деревня выглядела совершенно обычной. В огородах уже работали люди и слышались голоса. Где-то хлопнула калитка. Даже далёкий лай собаки прорезал воздух. Жизнь вернулась.

Я вышел на крыльцо и остановился. На верхней ступеньке доска была влажной. Не вся. Только узкая продолговатая полоса, будто по ней медленно провели мокрой ладонью.

Я присел и провёл пальцами по следу. Вода. Ни грязи. Ни следов обуви. Просто влага. Наверное, ночью выпала роса. Да?

Я выпрямился. Солнце светило ярко. Пруд казался спокойным. Даже безобидным.

И всё же внутри меня что-то изменилось. Тонкая трещина. Если это только начало... Хватит ли у меня сил не сломаться?

Я посмотрел в сторону леса. Днём он снова казался обычным. Но я уже знал, что ночью он будет другим.

Солнце уже поднялось высоко, когда я вернулся в дом. Я умылся холодной водой из умывальника, надел чистую рубашку, собрал рюкзак.

Движения были привычными, почти механическими, как будто возвращали меня в нормальность. Белый халат я аккуратно сложил в сумку. Сегодня первый полноценный день приёма. Ночь можно было списать на усталость и стресс.

Я вышел на улицу и направился к бывшему дому знахарки, теперь моей «больнице». Воздух был тёплым, обычным. В деревне кипела жизнь.

— Доктор!

Я обернулся. У забора стояла маленькая сухонькая старушка в выцветшем платке. Она опиралась на палку и смотрела на меня прищуренными глазами.

— Освоился уже? — спросила она.

— Стараюсь, — улыбнулся я. — Тихо у вас.

Старушка чуть склонила голову.

— Тихо — повторила она. — Это хорошо. Значит, пока не заметили.

— Кто?

Она посмотрела в сторону леса. Потом на пруд. И снова на меня.

— А ты не ходи туда, — сказала она мягко и кивнула в сторону пруда и леса. — И если ночью что услышишь, то лучше не отвечай.

Те же слова. Почти те же.

— Вы про пруд? — спросил я.

Старушка не ответила. Только перекрестилась быстро, будто по привычке, и медленно пошла к своему дому. Я остался стоять.

Деревня жила обычной жизнью. Солнце светило. Но внутри снова появилось то самое чувство. Меня уже предупредили дважды.

Глава 3

Дом бывшей знахарки пах сухими травами. Запах вьелся в стены, в старые шкафы, в щели пола. Казалось, он никогда не выветрится — терпкий, чуть горький, будто память о чём-то, что здесь происходило раньше. В углу на полке всё ещё лежали перевязанные бечёвкой пучки полыни и зверобоя, и от них тянуло такой густой сушёной зеленью, что даже дышать становилось тяжелее. Похоже, что этот дом помнит больше, чем люди.

Я стоял за столом и раскладывал документы, привезённые из города. Ночь будто не закончилась. Глаза жгло от недосыпа, а в висках тупо ныло.

Я провёл ладонью по лицу и на секунду задержался у зеркала, висевшего на стене. Голубые глаза казались тусклее обычного, словно выцветшими, а под ними легли тени. Веснушки на лице проступали резче, а коротко стриженные рыжие волосы, обычно яркие, будто потемнели, стали медными, тяжёлыми.

Я выдохнул. И кого я здесь, собственно, вообще буду принимать?

Людей-то с гулькин нос. Меня отправили сюда не потому, что доверяли. Третий курс, почти четвёртый, но права назначать какие-либо препараты у меня не было: даже самые безобидные я не мог назначать без согласования со старшим врачом. В случае чего мог выписать только направление.

Сложное состояние? Температура держится несколько дней? Подозрение на что-то серьёзное? Сомнения? Тогда только один путь в городскую больницу.

По сути, моя задача — осматривать пациентов, вести записи, сортировать бумаги, создавать видимость работы. Я понимал: этот месяц может оказаться потерянным. Месяц, который мог бы дать опыт. А здесь лишь тишина, бумаги и странные взгляды.

Прошёл почти час. Дверь открылась без стука.

— Так, значит, это вы наш новый доктор?

На пороге стояла женщина лет семидесяти. Невысокая, полненькая, в ярком красном платке, повязанном под подбородком. Концы платка она всё время теребила пальцами, едва заметно, слишком нервно. На ней был тёмный сарафан поверх блузы, руки выглядели крепкими и жилистыми. Настоящая строгая деревенская бабушка. Но в её взгляде было что-то ещё, кроме недоверия. Тревога.

— Добрый день, — сказал я.

— Проходите.

Она прошла в комнату, огляделась, задержала взгляд на полках с травами.

— Раньше у нас знахарка была, хорошая, умная баба, людей чувствовала. А теперь вон молоденького прислали.

Я спокойно ответил:

— Я тоже могу помочь. На что вы жалуетесь?

Она усмехнулась.

— Да какие уж жалобы в мои-то года? Спина болит, колени ноют, на погоду это всё. Я травки пью, мне хватает.

Она посмотрела на меня пристально.

— И не нужен нам тут был доктор.

Я поднял взгляд.

— Почему?

Старушка вздохнула. И уже строже сказала:

— Не нужны нам молоденькие загубленные жизни. Мало ли что тут может случиться.

В груди неприятно кольнуло.

— Вы о чём?

Она покачала головой.

— Не ходи, куда не надо.

Снова это. Сомнения неприятно зашевелились внутри.

— Может, всё же вас что-то беспокоит? — спросил я.

Она посмотрела мягче.

— Главное, чтобы ты себе помочь смог.

И ушла.

Я смотрел на дверь дольше, чем следовало. Хотел окликнуть, спросить прямо. Но внутри словно что-то удержало. Будто задавать лишние вопросы здесь не принято.

Что со мной происходит? Почему каждый говорит полуфразами?

За день пришло ещё несколько человек. Мужчина с давлением. Женщина с бессонницей. Подросток с обычным синяком. Но каждый разговор становился странным. Каждый говорил свою фразу мимоходом:

— Ты по ночам-то не гуляй.

— Воду не слушай.

— Лес разный бывает.

Никто не объяснял. Сомнения начинали раздражать. Может, я и правда надумываю?

Последним пришёл старик. Он вошёл медленно, будто опасался переступить через порог. Высокий, худой, сутулый, с вытянутым лицом, сероватой кожей и глубокими впадинами под глазами.

— Василий, — представился он.

Когда Василий садился, его нога нервно и ритмично дёргалась. Он всё время оглядывался то на окно, то на дверь, то в угол комнаты.

— Рука болит. Ноет. Ночами особенно.

Рука, о которой он говорил, слегка дрожала. Я осмотрел его, проверил сустав и спросил, как давно болит рука и были ли травмы.

Василий отвечал, но мыслями будто был далеко. Его пальцы всё время тёрли край стола, будто проверяли, настоящий ли он. Когда я коснулся запястья мужчины, он вздрогнул слишком резко, а потом вдруг наклонился ближе и зашептал:

— Скоро позовёт.

— Кто? — спросил я.

— Вода. Его глаза блеснули не безумием, а страхом. — Ты не слушай её. Она врёт. Она делает всё хуже, чем есть на самом деле.

Он говорил быстро, будто боялся не успеть.

— Лес, он другой. Он показывает. Всё показывает: где струсил, где промолчал, где кого обидел.

Он сглотнул.

— Но вода. Она приукрашивает. Из ошибки делает преступление, а из стыда — приговор. Она может внушить, что ты плохой, что тебе нельзя жить, что легче зайти в пруд с головой и не выходить.

Я почувствовал, как в груди снова холодеет.

— Вы часто к пруду ходите? — спросил я.

Он резко покачал головой.

— Я не хожу. Я уже знаю.

Он смотрел на меня пристально.

— Ты сильный, — тихо сказал он. — Но даже сильные ломаются. Если позовёт — не отвечай, а лучше беги отсюда.

Василий поднялся. Нога всё ещё подрагивала.

— А лес... если в лес пойдёшь, он раскроет твоё истинное «я». И если не выдержишь, то сойдёшь с ума. Все сходят.

Он вышел. Я остался один. Рука слегка дрожала, когда я заполнял карту пациента.

Бред какой-то. Кто в это поверит? Суеверия всё. И всё же сомнения больше не вызывали раздражения. Они стали тяжестью.

Я вдруг понял: если это место действ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.